

Вершитель времени

Роль Архидеус не был человеком. Однако же все думали, что он человек, поскольку Роль умел талантливо и непревзойденно маскироваться, будучи первоклассным мастером применения кольцевых моделей восприятия. В привычном смысле, даже материальность вовсе не была хотя бы единственным его свойством, однако он проникал в разум каждого встречающего его существа и транслировал свой предпочитаемый на момент встречи облик в формы чувства восприятия материального существа, проецируемые человеком в собственном тёплом и пушистом мире.

Причем каждый из обманутых им зрителей-попутчиков всенепременно выстраивал в своем сознании образ, который был наиболее близок внедряемому Архидеусом извне потоку импульсов, но притом не отходя от индивидуальности карты личности, конструировавшей в восприятии человека, которому нужно было внушить тот или иной облик, максимально приближенный к способу человека реагировать в сложившейся ситуации, и, по-сути, бывшей частью этого человека.

Оттого-то с самых разных ранних лет Роль Архидеус стал очень и очень популярным, и одновременно, неизвестным никому, ведь всегда и все описывали этого нашего Роля по-разному. Для одних он был добрый дородный кум, похожий на дровосека с по-пушкински пышными бакенбардами и кудрявый шевелюрой, будто сотканной из завитков берёзовой стружки, и точно такой же бородой, тогда как для других Роль был таким вот этаким-разэдаким сухим да поджарым попрыгунчиком с блестящей лысиной на голове. Для одних он был мужчиной, тогда как другие всего его воспринимали скорее уж как женщину.

Ещё одна незабвенная особенность Архидеуса заключалась в том, что, как уже было сказано, не будучи и в самом деле существом, повторяющим в себе контуры человеческого реагирования на Реальность, он еще и не жил пространственно-временном каркасе существования человеческих личностей, даже если бы они были множественными, разнообразными и расщеплёнными. Стараясь, всё же, маскироваться, дабы во всем быть похожим внешне на человека, Архидеус был исполнителем и наполнителем пульсаций вселенской силы.

В детстве он, изображая школьника, зашел в кабинет учителя технологии, чтобы чуточку попринимать солнечную ванну,

образовавшуюся из падающих под углом лучей, льющихся из окна и пересекающих синий горизонт из хлама советских сервантов на списании, слесарно-токарных станков и исписанных простым карандашом нелитературными выражениями видавших виды школьных парт, покрытых не менее как двумя десятками слоев масляной краски, всё же сумевшей протереться аж до самого дерева, ещё наблюдавшего первомайские марши и звуки пионерских горнов.

В солнечной ванне Роль впитывал силу, выглядывая в выточенные кругляшками бигуди сосновой или берёзовой стружки на полу, оставшейся от творчества вчерашних семикассников. На ладонях Вершителя без формы, а именно так бы и прозвали люди Архидеуса, если бы увидели в его истинном облике, распустились лотосы, он спустился множеством своих каналов вовнутрь галактических нот и струн.

Застав ученика в медитационной позиции, учитель технологии крайне расстроился и заставил Роля чертить на доске схему выпиливания буратиноподобного чурбанчика. “А почему бы мне не поступить наоборот?” - подумал Архидеус и разделил доску на две части. Одну из них он полностью окрасил мелом, а также пальцем прочистил стену от последних меловых крошек, ведь негоже же мелу на стене вместо доски маяться потихоньку, а напротив второй половины он закрепил мел, после чего, применив телекинетические способности, заставил доску шоркаться о мел таким способом, чтобы чертилась схема. Когда учитель технологии присмотрелся к полученной даже не схеме, а целой громадной системе имени Архидеуса, то обнаружил, что это вовсе не схема деревянного чурбана, а это действительная схема его самого, учителя технологии. В этот самый момент открылся вход в другую область сознания, из которой обнаружилось еще парочка точно таких же учителя технологии, заговорившая откуда-то из глубины только свойственного Вершителю сновидения, расположенного непосредственно за размелованной доской.

Архидеус - он такой - любил ждать, пока время унесет асфальт, он отталкивался от личных волн в прямо противоположном порядке, вибрируя на перекатывающийся препятствиях, и таким способом ходил по воде, а также жил единым днем, и даже не жил одним часом. Мгновения, длящиеся практически и воспринимаемые эмпирически - вот единственный настоящий приоритет и регулируемая скорость его жизни.

Однажды Вершитель времени в который раз пришёл в себя и решил отправиться на север на самолете. Он ведь никогда не выходил в

невывернутые наизнанку отражением бесконечные волны, поскольку конечная волна есть понятие сугубо индивидуальное и сугубо идеальное, догнать такую вот волну невозможно в принципе в силу отсутствия ее действительного существования жизни. Зато был поток для низшего понимания рефлексирующих человеческих сущностей, и потоком этим он жил, играя с людьми и цветком распуская пыль микроскопических элементов, постепенно выходя на старт трансформации в новую мнимость из мнимости старой. Ведь это же скучно - просто так всё время быть в одной и той же мнимости, поэтому иногда и Ролю хотелось развеяться, даром, что не человек.

По дороге Вершителя остановил генерал-майор подорожной службы, звавшийся так оттого, что просто обожал носить листья подорожника вместо потных зелёных шароваров из богато утрамбованной ваты, и указал на торчащие прямо из асфальта перила. Архидеус, ссылаясь на неважное самочувствие, дождался пока генерал-майор потеряет бдительность. И лишь стоило генералу-майору отвернуться, задержанный превратился маленький камешек оникса или даже морской гальки, блестящий серебришком где-то на поверхности дороги, переходя далее в гранит где-то в поле, даже не подвергшийся малейшей ювелирной обработке.

Тогда обезумевший от ужаса представитель власти осунулся головой, как замёрзшая курица, слегка пошоркав ногой в мираж оборотного серебра, в котором неожиданно отразились северные острова, распущенные ртутным зеркалом на придорожной карте, внушённой Архидеусом вместо образа себя. Традиция его неопределенности предоставила стирание волос на лице, которая была в тот данный момент наиболее комфортной и приемлемой для него. Перископ, поднявшийся над землей, показался генералу-майору всего лишь формой гигантской плесени, прорвавшийся наружу. По-видимому, на благо всех народов и наций, как, чуток подумав решил задержатель. А также так же - добавил он - на благо времени свободы.

Воспарив в заоблачные дали, перископы, распочковавшись в перископистое множество, стали единым новым светилом, красящим урожай по осени. А первозданный перископ, отразившийся на форму же перископа, которому в микрофон шептал вибрации мыслей наш Роль Архидеус, по-прежнему и оставался перископом, ибо, в отличие от людей не умел быть много кем или чем, причём одновременно, а умел быть только лишь собой.

Наконец-то Вершитель совершенно неожиданно открыл свой путь, выскользнул светом вослед за своим звездным собратом. Тогда он

обратился в разновидность иной формы существования, разверзлись небесные хляби, поливая урожай грозвыми дождями. Когда Роль выворачивался наизнанку, наружу выходили его сновидения. Он таял, растапливая, точно масло, свою плотность, будто бы обращаясь в газообразное свечение туманного облака из света и дифракционных брызг, но когда возникала необходимость приобрести неоднозначно кажущуюся важной иллюзорную плотность его тела, он лишь выставлял напоказ свою зеркальную поверхность, и этот пепел в фольге снаружи от него был лишь для тех, кто стремился смотреться на себя в отражённой поверхности Силы Роля, внушавшей всем материальность только конструкцией своих слепков.

Будучи в Великом нигде, Архидеус, именованные Родем, мог проецировать иллюзию себя одновременно на множество стран и континентов, как на Земле, так и на любых других планетах, спутниках, астероидах, вплетая формы проекции в восприятие мира из всех всевозможных параллельных миров гиперпространства. Снаружи Вершитель времени был довольно скромным, поэтому предпочитал выбирать тёплые и разнообразные живностью миры, исходя из подходящих себе волн бытия, чувствуя себя таким миссионером и проповедующим собственное представительство со стороны всего сущего чисто из экономии усилий и средств со стороны людей и существ, выдумывающих какие-то глупые культы и никак не желающих осознать безграничные возможности Роля.

Вот он и экономил им силы, являясь пред ними всеми самолично, собственной персоной и во всей красе. Его миссионерство по обустройству образцовой реальности Архидеуса внедряло все новые и новые волны чувства и мысли в каждое из суггестирующихся существ, разум которого приоткрыт в порождении равные импульсы утилизационных сигналов, точно бы круги радара или круги на пшенице во чистом поле. Роль увидал в распространённом им энергоинформационном поле начальную самозардившуюся группу туристов-суургэмов. Суургэмы были одеты в ветошь и сами как будто бы обветшали. Играя горящими огнями на поверхности близкого их взгладам заката, они по собственному желанию, как голову сыра, закатывали за горизонт солнце, каплей падающее в глаза с их серыми зрачками, как у тушканчиков, а их обтянутые жирным мехом черепа словно бы подчеркивали разветвляющиеся во все стороны от Архидеуса свисающие седые корни конечностей.

Суургэмы шумно нюхали воздух, они совершенно точно знали, что Роль прибыл не из мира людей, но и не из их мира тоже. Они боялись

Вершителя времени, уподобившемуся значительному восходящему потоку, а потому Суургэмы решили напасть все вместе. Их дырявые соломенные шляпы, сплетённые форме перекошенных колоссального размера параллелограммов, посвистывающих по ветру, придавали их образам еще более суровый инфернальный облик. Когда они все вместе дружно стеной направились в сторону Архидеуса, практически образовав классический германский военный строй “свинья”, то Роль тут же увидел на одном из левых осколков собственных глаз, что в одной из бытовавших им проекций стая существ угрожает его пребыванию внутри собственной тени жизни. Конечно, Суургэмы не могли стереть из общего единства объединённого существования все стороны, которые пронизывал Вершитель, ну уж одну-то из его сторон, видимо, могли стереть совершенно точно. В мелкий мелкий порошок.

Тогда Роль растянул до неузнаваемости собственные сучковатые, как у туристов миров, части тел, всех своих многообразных и многочисленных разновидностей тел, заманив Суургэмов в кольцо, в центре которого и по краям которого находился он сам, принявший различные формы проявления себя. Суургэмы стали походять на разрезанные дольки цитрусового плода, между которыми наваристый, точно осетровый холодец, мир желаний протянулся в энергетические тросы пущенных корешков Роля, точно природа позволила ему начать свое раннее весеннее таяние, так и не вышедшее из момента, неопределимое во времени, протекающем во всех направлениях одновременно в каждом из воспринимаемых измерений распластанного в запутанность Архидеуса. Корни эти прорастали соединительной тканью, точно белый слой под апельсиновой корочкой, вогнутой вокруг тонких прерывистых и порывистый пушек армии Суургэмов.

Существа сами того не ведали, что подчинились импульсам Роля, волны их отныне походили на излучение далеких милитаристических или приграничных антенн, локаторов спутников противоракетной обороны. У Суургэмов просто не было отныне никакого другого выбора, ведь Архидеус был не просто проводником или просто Вершителем времени. Все было еще проще. Просто вся логика его решений строилась на мнимости его нахождения где бы там ни было. И всем лишь казалось, что Архидеус находится снаружи, тогда как всё, снаружи от чего находится сам наблюдатель Роля, на самом же деле находится внутри Архидеуса! Не Роль был снаружи от чего-то или что-то было снаружи от Роля. Нет. Все было внутри его, а самое главное, что он всегда и везде был внутри самого себя.

Вскоре всюду, где бы ни проецировал себя Архидеус, движения преследователей из числа существ Суургэмов-туристов были бесчисленными, а Вершитель, отмахиваясь от них, как от мух, хоть и был повсеместен и безлик, но предпочитал прятаться в вариативных тропах его рефлексивных метаморфоз, спускаясь в длинные коридоры внутренних соединительных тросов и канатов, точно суслик, прячущийся в норку во время грозы.

Не то, чтобы Ролю что-то действительно угрожало, отнюдь даже нет, просто для его внутренних весов столкновения враждующие семьи или вражеские субстанции были подобны штормам его собственного разума, а от того становились в своих перманентных штурмах крайне неприятной штукой. Или уж шуткой? А всё едино.

И в этом всепронизывающем неинтерпретируемом единстве проекций многотысячелетней глупостью человечества проявилось придание характерных черт самих себя истинной и непостижимой паутине Архидеуса, ведь тогда люди, искажая образ природы Роля о свои слоговоры и построения конструкций, повсюду не воспринимали ничего, кроме того, что могли бы подогнать под идею человекообразности повсеместности, вовсе отказываясь видеть и чувствовать всё то, что даже в бреду сочиняющего мир вокруг себя сознания не могло бы приобрести человеческие черты. Так люди свили своё гнездо и, в отличие от птиц, никогда его не покидают. И, хотя рождены Вершителем времени, чтобы летать над его макушкой, предпочитают ползать у его корней, собирая выдуманные жёлуди сладких, но оттого не становящихся менее жалкими, потех и надежд.

Окончательное осознание настигло Архидеуса в новорожденной им стране перламутровых пальм. Они были везде и повсюду, но в то же время ничем и нигде, так же, как и он сам. Роля тогда понял вдруг странно и неожиданно, что он счастлив, ибо разумен и безумен одновременно, ибо достаточен и самодостаточен, его же сочетание несочетаемого становится всем и ничем.

Складки и ужимки его звенящих расходящимися вибрациями гармошек, отраженных в диодных проблесках чьих-то глаз, становились всевидящими взглядами Роля, зондировавшими Внешний Космос во всех возможных видах и направлениях, и именно в этом переходе от “извне” к “вовне” был заключён ключ к корню его безгранично трансцендентального безумия: достаточно было лишь сказать, что для Вершителя времени внешним пространством было то, отблеск которого порой способны усмотреть люди, обращаясь вовнутрь себя, и наоборот, внутренним его пространством становились

многомерные миры, один из которых всенепременно принадлежал людям и воспринимался ими в качестве внешней якобы объективной реальности.

Архидеус слился в бескрайнюю пляску паутинок своих пятен и клякс, разбрызгивавшихся на многомерных плоскостях растянувшейся алхимией невыразимого, будто бы потоками фотонов, фонтанчиками наполняющими силы столь чуждые, что были лишь ему раскрывающими внутреннее общество восприятия через достижения каждого из нас отовсюду. Вершитель времени вобрал в себя все наше прошлое и перезрев, перебродив и выплеснувшись вулканическим гейзером неизмеримости, оставил нам только настоящее, явив побочным продуктом своих действий блестящие, точно свеженачищенные ботинки и только что ограненный изумруд, пожертвовав конкретику оформленности и обустроенности в пользу абстрактной энергии вершащегося им времени, дабы настоящее во всех своих лицах действительно стало таким - настоящим!

Отныне можно сказать что все наше прошлое не более, чем его утренний сон перед пробуждением, а поскольку он забрал в этот сон желание жить, поглотив всю энергию прошлого, как если бы мир был устроен таким способом всегда, то мир Архидеуса усох от категорий, оценок, разделений и прочей мишуры, отринув любые способы, дабы мы все могли стать уверенными в том, что таки-да, мы все едины, всегда только едины. И не делимся ни пространством, ни временем, ни смыслом, ни значением.

Мы все - зеркала дребезжащих колебаний из проросших повсеместно сквозь время и пространство хитросплетённых корней Роля Архидеуса, того, что снаружи, того, что не выразится обретением бесщётных имён, ибо вершится сам в себе тишайшей безликостью нерушимого непознаваемого и неопишуемого нечто или наполненного ничто, как бы мы его ни называли или как бы ни называли Никак.

*Белоусов Роман,
31 декабря 2012 года.*